

ЕДИНОБОРСТВО ДОБРА И ЗЛА

НОВЫЙ роман Сулеймана Рагимова «Памятник матери» («Литературный Азербайджан» №№ 3, 4, 1980, перевод Л. Либединской) начинается так: «Вглядись, читатель: перед тобой сцена, на которой предстоит действовать нашим героям».

Сценой писатель аллегорически считает повседневную жизнь людей, избранных им в герои своего произведения, и в этой жизни показывает их со всей объективностью, не скрывая достоинств и недостатков, пороков и добродетелей. — словом, добра и зла, что приносит они людям. Авторская открытость и умение глубоко показать облик персонажей, выразить суть характеров героев — вот что делает естественным и интересным содержание романа, достоверными все его коллизии, убедительными эпизоды. Складывается впечатление, что это сама жизнь-сцена закрутила всех персонажей повествования в своем водовороте, объединяющем и разъединяющем их пути...

С первых минут появления на «сцене» Фархада становится ясно, что тот одержим мечтой создать скульптурный портрет своей матери. В работе над ним он забывал о сплетнях, распространяемых о нем в угоду завистнику Инсафу Мюрветзаде, переставал слышать воркотню своей жены Анаханум, восставшей против готовящейся свадьбы его любимицы Шелале и Гюндауза, сына кирпичника («...если бы женихом ее дочери стал сын крупного ученого или министра»), не думал о претензиях родителей жениха, оказавшихся «неумельными пловцами в море интриг и коварства», и о многом другом в трудной, переменчивой жизни. Работа над Памятником матери успокаивала, располагала к размышлениям. Скоро огромная статуя, запечатлевшая черты дочери его, Шелале, гордо поднимается на одной из городских площадей. Разве это не счастье?

Шелале часами позировала отцу в старинном наряде, на-

поминавшем тот, что носила ее бабушка. В эти часы Шелале испытывала чувство огромной радости. Памятник матери — обобщенный образ, отец воздвигнет его не только своей матери, но и всем матерям на земле, и он вот-вот будет готов и станет украшением города, выражением людской любви к матери-Родине.

Рассказывая о том, как Фархад размышлял над своими старыми работами, составляющими историю его жизни, высеченную в камне и отлитую в бронзе, писатель ненавязчиво отмечает особое отношение скульптора к незаконченному портрету Закария-оглы.

Закария. Что-то ведь о нем уже читалось. Ну да, в том же «Литературном Азербайджане» в 1976 году была опубликована первая книга романа «Памятник матери». Только переводчиков было тогда двое — Л. Либединская и Е. Храмов. Отсутствия сноски в журнале могло навести на мысль, что нынешняя публикация — самостоятельное произведение, а фактически — это один крупный роман. И, говоря о второй его части, нельзя не упомянуть первую, определившую направление всей жизни Фархада, историю его души, таланта, его судьбы.

Начало романа «Памятник матери» возвращает читателя к истокам Советской власти в Азербайджане, когда из глухого села Дагетай приехал в Баку на учительские курсы смуглый кудрявый паренек по имени Фархад. В свободное время он пропадал в Музее искусств и там обратил на себя внимание скульптора Оджакверди, ставшего опекаем одаренного юношу. Он был очень трудолюбив и безусловно талантливым, как признавали художники, но в учительской семинарии завершились занятия, и Фархаду предстояло ехать в глухое село учительствовать. Судьбу его решил министр просвещения республики Закария-оглы. Фархад получил возможность стать скульптором.

Перед читателем предстает целая галерея интересных, со-

держательных, колоритных персонажей романа, к одним из них писатель относится сердечно и внимательно, к другим — с любовью, к третьим — с иронией, к четвертым — с сарказмом... Огромную симпатию вызывает Закария-оглы, который предпочитал решать тот или иной вопрос коллегиально, путем обсуждения, хорошо понимая, что он не только нарком просвещения, но еще и общественный деятель. И в этом сочетании «общественный» звучало для него не менее значительно, чем слово «деятель».

Интересен, неоднозначен образ заведующего школьным отделом комиссариата Мамеда-эфенди, имевшего немалые заслуги в развитии просвещения в Азербайджане. Живым, симпатичным видится директор музея Наджафализаде. С любовью писатель рисует и Ахмедали-даи, члена коллегии комиссариата, в прошлом крестьянина. Не про них ли писал Максим Горький в 1928 году, знакомясь с новой жизнью страны: «Люди, о которых мог я раньше только мечтать, теперь живут, работают, творят великое дело?»

Писатель показал типичный образ бездарного, завистливого скульптора Инсафа Мюрветзаде, которого жена, красавица Зарзаберджег, тоже из черной зависти к Фархаду, называет «штукартурщик». Именно с той далекой поры и следует эта супружеская парочка честного труженика. Инсаф подходил к искусству со своей меркой: скачки, бега, в которых надо занять первое место, чтобы добиться почта, денег, славы. И ради этого убирать со своего пути каждого, кто может помешать. Инсаф считал, что ему мешает слава Фархада, и вел с ним беспощадную скрытую борьбу. Убедившись, что в творчестве противника не одолеешь, Инсаф со своей Зарзаберджег, родственниками и друзьями решил нанести удар по его семье. Этому посвящена значительная часть второй книги романа. Фархад и раньше не

страшился сплетен и кривотолков, подем битвы он считал свою мастерскую, он был олицетворением совести и справедливости, жил глубокой верой в человека и потому на происки своих противников ничем не мог ответить. «Вечный ребенок!» — возмущалась Анаханум непротвением своего мужа злу.

Но на сцену-жизнь писателем выведен не только Инсаф со своей супругой, но и Гюндауз, жених Шелале, человек современный, с высшим образованием, который, как ни странно, не избавлен от «дикости». Поддавшись сплетням, Гюндауз силой и угрозами похитил невесту... «Народ осуждал Гюндауза», — замечает писатель, и сам сурово судит его, описывая скоропалительную невеселую свадьбу в селе Чемедали, в доме Хезретуаллы, отца Гюндауза. Да, диплом врача, полученный Гюндаузом, еще не свидетельство его нравственной зрелости. Тысячу раз был прав Закария-оглы, утверждая, что борьба с пережитками в сознании людей будет долгой и напряженной. Правда, потом Гюндауз понял свой недостойный поступок и раскаялся перед Шелале, тяжело пережившей происшедшее. Но может ли раскаяние стать оправданием поступка? Ответить на этот вопрос автор предоставляет возможность самим читателям.

Критикой не раз отмечалось, что реалистическое творчество Сулеймана Рагимова проникнуто тенденцией к глубокому изображению жизни людей, со всеми их противоречиями, благородными и низменными чертами, хорошими и плохими сторонами характера. Новым примером тому может служить и роман «Памятник матери». Он свидетельствует о значительных потенциальных возможностях народного писателя республики Сулеймана Рагимова, вступившего недавно в девятое десятилетие своей жизни и продолжающего плодотворно трудиться на благо Родины.

М. ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ.